

ГАСТРОЛИ КАЗАХСКОГО ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА ИМЕНИ АБАЯ

СЛОВО О ДИРИЖЕРЕ

В опере или на балетном спектакле мы подчас забываем о дирижере, как и о других постановщиках, чьи мысли и творчество растворялись в сценическом действии. Но кто находится рядом с дирижером, тот знает, какой тяжкий груз возложен на него, какое у него напряжение мысли. Человек за пультом как бы ведет сеанс одновременной шахматной игры с сотней партнеров. Но условие почти невероятное: у него нет права допустить даже один проигрыш. Он держит в своем воображении сразу все партии, ибо они тесно переплетены между собой и сливаются в единый поток. Словно гипнотизируя своих партнеров, он успевает с каждым вести своеобразный диалог. И вот проливаются нежные звуки маленьких скрипок, воркует валторна, неистовствуют литавры. И, сливаясь воедино, разноразличные инструменты обрушиваются водопадом в концертный зал или, сдерживаясь, плывет приглушенным шепотом безмятежной задумчивой речи.

...Глубина в музыке такой термин «фермата», означающий неограниченную продолжительность созвучия. Похоже, что под этим знаком совершаются иные события в нашей жизни. Тургуту запомнился далекий,

давно потонувший в прошлом день, когда отец подарил ему балалайку.

— Может быть, станешь музыкантом, — предположил отец. В этом предположении сквозила затаенная мечта. Иначе не стал бы он связываться с антикваром, который предложил ему дирижерскую палочку из черного дерева, инкрустированную слоновой костью. Цена была запрошена внушительная. Но отец не отступил. Он унес в скупочный магазин кое-что из домашних вещей. И маленький Тургут получил еще один загадочный подарок, подарок-предзнаменование.

Потом, много лет спустя, его жарко опалит воспоминание о далеких детских годах и той символической палочке, когда, облаченный в строгий черный фрак, он выйдет на сцену, чтобы продирижировать свою первую в жизни оперу. И не где-нибудь, а в зале Московской консерватории, где на тебя со всех сторон строго взирают со стен бессмертные классики. Молодой музыкант, старательно выучивший партитуру «Севильского цирюльника», держал экзамен на самостоятельность. Вместе с ним прощались с консерваторией и другие ученики профессора Н. Аносова — будущие дирижеры Г. Рож-

дественский, Е. Светланов, А. Юрайтис...

Обстоятельства сложатся так, что, спустя год после окончания консерватории — летом 1958 года — Тургут Османов будет выступать в Большом театре Союза ССР, где проходила Декада казахской музыки. Казахский театр оперы и балета привез тогда в Москву несколько оперных и балетных спектаклей. Была в числе их опера «Абай», написанная А. Жубановым и Л. Хамиди. Дирижерская интерпретация оперы принадлежала Т. Османову.

Через двадцать лет под сводами Большого театра Союза ССР снова звучала та же опера «Абай» и за дирижерским пультом снова был Тургут Османов. Теперь за его плечами было 35 «пройденных» партитур продирижированных спектаклей. Дни московских гастролей — лето минувшего года — стали для него, да и всего театрального коллектива, истинным праздником.

...Этот человек похож по своей целеустремленности на стрелу, выпущенную из надежного лука. Никаких отклонений, ни намека на колебания. Когда начался полет стрелы — теперь сказать трудно. Может быть, еще в детстве, когда он болел и вынужден был лежать

в больничной палате. И вот придумал: создать маленький домбровский оркестр прямо в палате. Дети лежали на койках, прижимая к себе инструменты, и играли казахские кюи. Не зря, наверное, говорят, что музыка лечит.

Или позже — когда он, ставший уже подростком, вырвался на несколько дней в Алма-Ату и сразу же помчался в театр оперы и балета. Давали «Риголетто». И тут он впервые в жизни услышал и увидел настоящую оперу. Он был потрясен и зрелищем, и музыкой, и оркестром, скромно притаившимся в темноте. Тургут не захотел потом нигде учиться, кроме как в консерватории, только что открывшейся тогда в Алма-Ате. Но там не было кафедры оркестрового дирижирования. Однако выход он быстро нашел. Проучился год и уехал в Москву.

...Все это уже прошлое. Только не музыка. У него и в квартире все напоминает о ней. Книжки партитур, книги музыкантов, ноты, театральные программки. Вот московские программки, на блестящих обложках которых контуры Большого театра. И вырезки из московских газет, которые много писали о прошлогодних гастролях Казахского театра оперы и балета имени Абая.

Встретившись с ним, я понял, что Тургут Сеидвакасович до сих пор под впечатлением московских встреч. Он вспомнил наш прежний разговор о трудностях и непомерной нагрузке, которую испытывает дирижер. Говорят, что у него временами даже повышается артериальное давление.

— Все это так, — сказал Т. С. Османов, — но вся суть в том, что именно тяготы нашей профессии и влекут. Ведь достичь чего-нибудь можно только на пределе напряженности. Сколько мы все пережили, отправляясь в Москву. Сколько было сомнений! Но разве кто-нибудь согласился бы отступить?

Я дирижировал несколько спектаклей. Сказать точнее — десять вечеров из восемнадцати был у пульта...

Мои спектаклями были «Биржан и Сара», «Абай», «Енлик и Кебек», «Алия», «Аксак кулан».

Тургут Сеидвакасович перелистывал оперные партитуры и, видимо, в эти минуты для него звучал каждый инструмент, звучали голоса исполнителей. Рашат Абдуллин пел знаменитую арию Абая. В свое время он был первым исполнителем этой партии, и теперь, спустя много лет, ему вновь было предоставлено это почетное

право. Ермеке Серкебаев, которого отлично знают не только в Москве, но и за рубежом, выступал в заглавной роли оперы «Дон Жуан». В том же спектакле москвичи встретились с Розой Джамагановой, Бибигуль Тулегеновой. Тургут Османов не дирижировал этим спектаклем, в котором были заняты три народных артиста Советского Союза, но все равно как-то особо за него переживал. Дело в том, что у дирижерского пульта был его ученик — Ренат Салаватов.

Есть и еще один ученик, которым гордится Т. Османов. Это Тулепберген Абдрашев. Молодой дирижер стал дипломантом международного конкурса имени Карояна в Западном Берлине. Сейчас он на стажировке в Вене. Такая вот молодая смена!

Народный артист Казахской ССР Тургут Османов неравнодушен к молодежи. Он взялся дирижировать балеты «Алия» и «Аксак кулан», написанные молодыми композиторами М. Сагатовым и А. Серкебаевым. За «Алию» ее автор М. Сагатов был удостоен серебряной медали имени Александрова на смотре произведений на военно-патриотическую тему.

В последние месяцы он был захвачен новой постановкой, над которой они работали вместе с главным балетмейстером театра З. Райбаевым. Это был знаменитый прокофьевский балет «Ромео и Джульетта».

В его квартире на видном месте — портреты Бетховена и Чайковского. А недавно

появился портрет Арама Хачатуряна. У композитора задумчивое, грустное лицо, широко раскрытые глаза словно видят дальше всех. И полусухопарная дарственная надпись в уголке портрета. Тургут любит смотреть на это почти живое лицо, оно словно излучает вокруг энергию.

Постановка «Спартак» в театре стала событием. Буйные хачатуряновские ритмы и мелодии настолько увлекли Тургута Сеидвакасовича, что он забывал обо всем на свете. А перед премьерой вдруг пожаловал сам автор балета и поспешил взять власть над оркестром.

Сейчас те встречи, совместные репетиции и просто беседы за столом представлялись ему почти нереальными. Казалось, что убыстренные ритмы, завладевшие сценой, вторглись и в само течение тех дней. «Почему тихо едем?» — вопрошал композитор, когда ему приходилось вместе с Османовым ехать в «Жигулях».

Это были уроки, которые никогда не забудутся. Да и по-человечески они как-то сблизились. Иначе бы Тургут не летал потом в Ереван по приглашению композитора.

Я спросил собеседника: — А где та дирижерская палочка с инкрустацией?

— Я подарил ее моему учителю, Николаю Павловичу Аносову, когда мы расставались.

И у Тургута Сеидвакасовича потеплели глаза.

Е. СУРИКОВ